

Ремус растерялся. Одна мысль о том, что Аквилу воспитывали так же, как Сириуса, разрывала ему сердце.

«Но почему именно маггловский приют?» - наконец вздохнул он. «Разве нет лучшей альтернативы? Я лучше перееду с Аквилой из Британии и буду скрывать ее, чем она будет расти в сиротском приюте».

«Поверь мне, Ремус», - сказал Дамблдор. «То, что я делаю, - ради высшего блага. Это к лучшему - и для Гарри, и для Акилы. Я забочусь об их интересах. Неужели ты думаешь, что я хочу, чтобы им причинили вред?»

Ремусу нечего было сказать. Если разлука с Акилой и Гарри гарантировала их безопасность, он подчинился бы решению Дамблдора, как бы больно ему ни было находиться вдали от двух детей, которых он полюбил с того самого момента, как впервые взял их на руки в Святом Мунгосе.

«Но Блэки будут искать Аквилу», - внезапно сказал Ремус.

«Я позабочусь об этом», - ответил Дамблдор. «Я позабочусь о том, чтобы люди думали, что Акила мертва. Министру Багнольду уже переданы секретные сведения... Файлы будут храниться в тайне, о них будут знать только Багнольд, Аластор Муди, Минерва, ты и я...»

«Мертв?» - задохнулся Ремус. «Но это же...»

«Это к лучшему, Ремус», - мрачно сказал Дамблдор. «Аластор уже воплощает план в жизнь. Невостребованное тело маленького ребенка из маггловского морга, несколько зачарований, чтобы сделать его похожим на тело Акилы, и она будет мертва для волшебного мира. Тело обнаружат авроры. Аластор, как главный аврор, проследит, чтобы не возникло никаких вопросов по поводу поддельного тела Акилы. А новость будет опубликована в завтрашнем выпуске «Ежедневного пророка». Несколько заклинаний ускорят процесс отправки Акилы в приют. А несколько сотрудников маггловских правоохранительных органов будут вынуждены пройти Обливиэйт. И я прикажу изменить ее имя в маггловских записях, - закончил Дамблдор, как будто объявить живую девушку мертвой было обычным делом.

«Нет, - твердо сказал Ремус. «Не меняйте ее имя - пожалуйста. Афина и Сири... они выбрали это имя, когда узнали, что ждут девочку... и Афина любила это имя, потому что ее Покровителем был орел...», - забормотал он, с каждым словом об Афине все больше понимая, как сильно ему будет не хватать ведьмы.

«Пожалуйста, пусть Аквила сохранит свое имя, Альбус... Ей нужно иметь хотя бы что-то от родителей - скорее, от матери», - поправил он, предпочитая, чтобы Акила была как можно меньше связана с Сириусом.

«Тогда я позволю ей оставить свое имя, - сказал Дамблдор после минутного раздумья. «Это не

совсем обычное маггловское имя... но оно подойдет. Но я не могу позволить ей оставить свою фамилию, Ремус. Чем меньше она будет связана с черными, тем лучше. И если вдруг Блэки начнут расспрашивать в маггловском мире, то найти Аквилу будет сложнее, если у нее не будет фамилии Блэк».

«Хорошо. И ты позаботишься о том, чтобы у нее было чучело оленя, которое подарил ей Джеймс, не так ли?» Ремус пробормотал, вспоминая, как Акила визжала, сидя на спине Джеймса, когда он превратился в оленя, как Джеймс сидел неподвижно, пока она играла с его рогами, как она счастливо хихикала, когда Джеймс подарил ей миниатюрное чучело своей формы Анимагуса.

И книга маггловских сказок, которую подарила ей Лили», - продолжал он, вспоминая, как читал эти истории Акиле и Гарри, а дети слушали их с восторженным вниманием, словно понимали каждое слово из „Золушки“.

Дамблдор кивнул.

«И... и браслет на запястье Акилы», - внезапно воскликнул Ремус. «Это семейная реликвия Маккиннонов... на нем выгравировано имя Акилы... подарок родителей Афины... ты не можешь снять браслет... он заколдован... только Афина и Сириус могли снять его... поэтому ты должен оставить его у нее».

«Хорошо», - кивнул Дамблдор, но Ремус снова заговорил.

«А Гарри - вы можете отправить Пэдди... то есть игрушечную собаку... Гарри... он никогда не мог заснуть без нее», - сказал Ремус, вспоминая, как Лили укладывала маленького Гарри спать с собакой в его маленьких руках, прижатой к груди, вспоминая детский лепет Гарри, когда он говорил что-то неразборчивое игрушечной собаке.

«И его одежда, и...»

«Мне очень жаль, Ремус», - тихо сказал Дамблдор. «Боюсь, что ни одна из вещей Гарри не сохранилась. Волдеморт умер в детской, и большинство вещей там были разбиты силой проклятия».

Лицо Ремуса исказилось в выражении сильнейшей боли. Он вспомнил, как помогал Джеймсу украшать детскую, когда Поттеры переехали из Поттер-Мэнора в дом в Годриковой впадине, вспомнил, как Джеймс нарисовал на стене множество стукачей, порхающих от одного конца стены к другому, в надежде, что это приведет к тому, что Гарри станет великим Искателем, когда вырастет.

«А как же его вещи из Поттер-Мэнора? Дайте ему хотя бы что-то, напоминающее о Джеймсе и Лили», - почти умоляюще сказал Ремус.

«Поттер-Мэнор заперт», - мрачно ответил Дамблдор.

«Что? Но я был там столько раз! Я уверен, что смогу войти и забрать игрушки Гарри и...»

«Нет, Ремус, - вздохнул Дамблдор. «Я тоже пытался попасть туда. Но поместье запечаталось после смерти Джеймса. Единственные, кто может увидеть его или войти в него, - это люди с кровью Поттеров. Так что если Гарри или Сириус не пойдут туда...»

«Сириус? У него нет крови Поттера...» Ремус внезапно остановился.

«Значит, они пошли на усыновление?» - спросил он Дамблдора. «Но... но черты лица Сириуса совсем не изменились!»

«Я полагаю, что Чарлус и Дорей усыновили Сириуса», - ответил Дамблдор. «Что касается того, что черты Сириуса не изменились физически, я думаю, это связано с огромным количеством черной крови, которая течет в его жилах. Оба его естественных родителя были черными, а поскольку Дорей тоже была черной, небольшого количества крови Поттера от Чарлуса не хватило бы, чтобы перебороть черную кровь в нем. Но это лишь мои догадки. Вполне возможно, что никакого кровного усыновления не было, но Чарлус и Дорей считали Сириуса своим сыном в истинном смысле этого слова. И поэтому Поттер-Мэнор признает его сыном Дома Поттеров. И пока Гарри не достигнет совершеннолетия, чтобы унаследовать Дом, Сириус является регентом. Магия поместья не позволяет войти в него никому, кроме Гарри и Сириуса».

<http://tl.rulate.ru/book/118728/4766373>